

DOI [10.19181/demis.2025.5.4.10](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.4.10)EDN [TTAEUO](#)

ЭМИГРАЦИОННЫЕ НАСТРОЕНИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ И НЕРЕЛИГИОЗНЫХ МОСКВИЧЕЙ

Кублицкая Е. А.

Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: eakubl@yandex.ru

Для цитирования: Кублицкая, Е. А. Эмиграционные настроения религиозных и нерелигиозных москвичей // ДЕМИС. Демографические исследования. 2025. Т. 5, № 4. С. 165–187. DOI [10.19181/demis.2025.5.4.10](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.4.10). EDN [TTAEUO](#).

Аннотация. Для понимания целостной картины демографических процессов современного российского общества и корректных научных прогнозов в области демографии и миграции следует учитывать воздействие комплекса факторов и, в частности, религиозных и этноконфессиональных аспектов. Цель настоящего исследования – выявление и анализ возможного воздействия религиозного фактора на эмиграционные настроения российских граждан. Эмпирическую базу составили исследования ИДИ ФНИСЦ РАН (2022, 2024 гг.) среди населения Москвы и студенческой молодежи. Фокус анализа был сосредоточен на изучении соотношения религиозного и нерелигиозного мировоззрений респондентов с различным уровнем эмигрантских ориентаций. Поставленная цель решалась при помощи методологии, основанной на конструировании двух типологий: по мировоззренческому («религиозные»/«нерелигиозные») и миграционному («оседлые»/«внутренние мигранты»/«прожективные эмигранты») признакам. Социологический поиск строился на сравнительном анализе оценок и позиций представителей этих групп по отношению к социально-политическим, социально-экономическим, социокультурным и этноконфессиональным процессам. Аналитические выкладки свидетельствуют о том, что факторы религиозности и секуляризации респондентов имеют важное значение при анализе изучаемых характеристик типологических групп. Так, религиозные представления и напрямую связанные с ними традиции и духовно-нравственные ценности часто совпадают в группах «религиозных» и «оседлых», выявляя их структурное сходство. В то же время контрольная группа «нерелигиозных» статистически значимо совпадает с группой потенциальных эмигрантов. Социально-политические, социально-экономические позиции и ценностные ориентации «религиозных» и «оседлых» групп демонстрируют достаточно высокую положительную оценку государственной политики и деятельности религиозных организаций, проявляют гражданскую позицию и оптимизм в отношении прогнозов по объединению народов вокруг российского государства и возрождения высокого международного статуса России. В иерархии идей и ценностей, способствующих достижению национального консенсуса, на первый план выходят «патриотизм», «национальная гордость», «социальная справедливость», «национальная безопасность». Группы «нерелигиозных» и «прожективных эмигрантов» имеют схожие социальные позиции и ценности. Они более обеспокоены социально-экономическими и политическими проблемами. В значительно меньшей степени гордятся своей принадлежностью к российскому обществу, скептически относятся к идеи объединения народов вокруг России, считая необходимой радикальную трансформацию политической системы. Ключевые ценности: «свобода и права человека», «социальная справедливость», творческая деятельность. Идеологические и патриотические ценности не занимают центрального места в их системе приоритетов. Делается вывод о том, что религиозное мировоззрение респондента, основанное на традиционных духовно-нравственных ценностях, выступает значимым элементом социальной стабильности, снижающим вероятность формирования эмиграционных настроений, в то время как секуляризационные мировоззренческие позиции стимулируют с большей открытостью потенциальную эмиграцию.

Ключевые слова: социально-политические процессы, социокультурные процессы, миграционные процессы, эмиграция, секуляризация, религиозность, духовно-нравственные ценности, население, молодежь, студенчество

Введение

Актуальность исследования эмиграционных настроений в современной России обусловлена необходимостью комплексного анализа факторов, влияющих на демографические процессы. В то время как социально-экономические

и политические детерминанты эмиграции достаточно изучены, роль ценностно-мировоззренческих факторов, а именно религиозности и секуляризации, остается недостаточно исследованной. Восполнение этой лакуны представляет собой актуальную научную проблему, решение которой позволяет перейти от одномерных объяснительных моделей к целостному пониманию мотивации «оседлости» или эмиграции.

Тематика публикаций, посвященных эмиграции из Российской Федерации, рассматривает этот процесс как фактор, представляющий угрозу демографической и социально-экономической стабильности государства [1, с. 59–72]. Научный дискурс охватывает широкий спектр вопросов социально-экономического и социально-политического характера: анализ современных форм временной миграции и статистические данные о трудовой миграции [2, с. 81–93]; исследование тенденций и масштабов эмиграции за последние три десятилетия [3, с. 44–53]; характеристика эмиграционных процессов на рубеже XX–XXI веков с выделением пяти основных волн [4, с. 100–111]; выявление новых закономерностей и тенденций эмиграции [5, с. 499–509]; сравнительный анализ эмиграционных потоков в США и Канаду [6, с. 83–96]; влияние эмиграции на русскоязычные диаспоры в США, Таиланде, Австралии и странах Европы [7, с. 122–136]; исследование масштабов, динамики и особенностей эмиграционных процессов в постсоветский период [8, с. 1298–1311]; анализ взаимосвязи эмиграции с процессами вывоза капитала и утратой экономических ресурсов [1, с. 59–72]; тенденции эмиграции российской молодежи и изучение каналов ее выезда в период с 1990 по 2017 гг. [9, с. 75–84]; эмоционально-психологические аспекты движущих сил эмиграционной активности молодежи [10]. По некоторым оценкам, последняя волна миграции мобильного населения, вызванная реакцией на специальную военную операцию, достигла масштабов, сопоставимых с периодом кризиса 1990-х гг. [11, с. 58–64]. Можно согласиться с демографами, которые придерживаются мнения о том, что эмиграция – процесс добровольного или вынужденного перемещения граждан из своей страны на постоянное место жительства в другое государство. В то же время, как справедливо отмечает Т. В. Черевичко, миграция сопряжена с перемещением не просто «человеческих ресурсов», но и «информационно-интеллектуального», а, следовательно, и мировоззренческого потенциала [12]. Этот аспект остается периферийным в научной литературе: мотивы «оседлости» или эмиграции редко анализируются через призму социокультурных установок, связанных с этноконфессиональными традициями и системой ценностей. Между тем, значение ценностно-мировоззренческих факторов, в частности религиозности, для консолидации общества остается в фокусе публичного дискурса. Уже более двух десятилетий назад глава Российской Федерации В. В. Путин акцентировал внимание на духовно-нравственных ценностях и культурных традициях как на ключевых элементах консолидации общества: «Убежден, что развитие общества немыслимо без согласия по общим целям. И эти цели не только материальны. Не менее важны духовные и нравственные цели. Единство России укрепляет присущий нашему народу патриотизм, культурные

традиции, общая историческая память». ¹ Традиционные религиозные системы представляют собой значимый элемент мировой и национальной культурной идентичности, выступая в роли консолидирующего фактора. Несмотря на то, что роль религиозных институтов не рассматривается как определяющая, тем не менее, их доктринальные положения и вероучения содержат универсальные нравственные принципы, трактуемые как «золотое правило» в религиоведческой литературе. Православные социальные институты (РПЦ), как показывают мониторинговые исследования ИСПИ ФНИСЦ РАН и ИДИ ФНИСЦ РАН, продолжают играть важную роль в духовно-нравственной, образовательной и просветительской сферах общественной жизни. Социологические исследования, проведенные в начале XXI века, фиксируют падение доверия к религиозным институтам среди населения Российской Федерации. Уровень традиционной религиозности снижается, особенно среди представителей молодого поколения. Процесс религиозной социализации в современном обществе характеризуется двойственностью. С одной стороны, определенные ценности, заложенные религиозными институтами, продолжают служить нравственными ориентирами для части молодежи. С другой стороны, молодое поколение активно ищет альтернативные ориентиры, пытаясь понять перипетии этноконфессионального взаимодействия, нюансы взаимоотношений традиционных религий, общества и государства, формируя собственные мировоззренческие позиции. В рамках этого процесса наблюдается интерес к нетрадиционным религиям, оккультизму, неоязыческим и мистическим течениям [13].

Таким образом, в существующих исследованиях в социологии эмиграции подробно проанализировано влияние таких факторов, как уровень дохода, карьерные перспективы и политическая стабильность, а в социологии религии накоплен значительный материал о связи религиозности с социально-политическими установками и гражданской идентичностью. Однако область пересечения этих дискурсов – изучение связей между религиозным фактором и эмиграционными установками – исследована фрагментарно.

Итак, налицо исследовательский пробел: недостаточная изученность связи между религиозным/атеистическим мировоззрением и эмиграционными настроениями. Поэтому вполне закономерно определена цель настоящего исследования – выявление и анализ возможного воздействия религиозного фактора на эмиграционные настроения в российском обществе.

Эмпирической базой работы послужили данные исследований, проведенных ИДИ ФНИСЦ РАН в 2022 и 2024 гг. Методология исследования строилась на принципах сравнительного анализа и типологизации, что позволило выявить структурные связи между мировоззренческими и миграционными характеристиками типологических групп.

Научная новизна исследования заключается в эмпирической верификации гипотезы о том, что ценности, ассоциированные с традиционной религиозностью, могут выступать фактором, снижающим эмиграционные интенции, в то время как

¹ Послание Президента РФ В. В. Путина Федеральному Собранию РФ 8 июля 2000 г. «Какую Россию мы строим» (г. Москва) // Гарант : [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/1583595/> (дата обращения: 26.05.2025).

секулярное мировоззрение коррелирует с большей открытостью к потенциальной эмиграции.

Методология, методы и эмпирическая база

Эмпирической базой для анализа служат исследования, проведенные Институтом демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук в 2022 и 2024 гг. в городе Москве. В 2022 г. объектом исследования выступили студенты, а в 2024 г – жители мегаполиса. Опросы осуществлялись на репрезентативной выборке, учитывающей гендерные и возрастные характеристики респондентов. Объем выборочной совокупности: в 2022 г. N = 310 ед.; в 2024 г. N = 551 ед.

Система показателей, включающая религиозные, национальные, миграционные и социально-политические индикаторы, оставалась практически неизменной в методике, что обеспечивало возможность объективного сравнения социальных ориентаций и мировоззренческих установок населения и молодежи посредством мониторинга.

Москва была выбрана в качестве объекта социологического анализа ввиду ее значимости как центра активных миграционных, экономических, политических и социокультурных процессов. Данный мегаполис представляет собой культурно-образовательный и научный центр с развитой инфраструктурой. В Москве гармонично сочетаются сохранение русских и православных традиций с многонациональной и поликонфессиональной средой. Столица Российской Федерации привлекает мигрантов из стран Содружества Независимых Государств, предоставляя им широкие возможности для реализации трудового и экономического потенциала. Миграционные процессы в Москве характеризуются разнообразием форм, включая миграцию, возвратную миграцию и эмиграцию.

Проведенные социологические исследования основываются на методологических принципах для верификации гипотезы о возможном воздействии религиозных и нерелигиозных мировоззренческих установок на эмиграционные ориентации населения и молодого поколения москвичей.

Для достижения данной цели были поставлены следующие задачи:

- построить и сопоставить две типологии респондентов: по религиозному признаку («религиозные»/ «нерелигиозные») и по миграционным установкам («оседлые»/ «внутренние мигранты»/ «прожективные эмигранты»);
- выявить и сравнить социально-политические, социально-экономические, социокультурные и ценностные позиции, характерные для каждой из выделенных групп;
- проанализировать статистическую значимость выявленных различий и определить, позволяет ли эмпирический материал рассматривать религиозность как фактор, снижающий эмиграционные интенции.

Результаты социологических исследований, определяющих уровень и степень распространения религиозности и атеистичности, базируются на методологических и методических принципах, признанных в научном сообществе российскими

социологами и религиоведами. В рамках социологии религии продолжаются научные дискуссии по данной проблематике [14–39]²:

– главные критерии религиозного сознания: вера в Бога и сверхъестественные силы, разделение на религиозное и нерелигиозное – основаны на наличии или отсутствии этой веры;

– при измерении уровня религиозности или уровня атеистичности применяются показатели веры и неверия в существование высшей сущности, религиозной и нерелигиозной самоидентификаций, конфессиональной самоидентификации и др.³ Д. М. Угринович определял уровень религиозности как «...выделение религиозных людей из общего числа членов группы и определения их процентного отношения ко всей группе» [38];

– степень религиозности измерялась с использованием индикаторов и показателей, определяющих как религиозное сознание, так и культовое поведение согласно определению И. Н. Яблокова, степень религиозности – это определенный уровень интенсивности религиозных свойств (признаков) индивида и группы [39].

В рамках исследования, проведенного в 2022 г. среди студентов Российской Федерации, была построена типология I, направленная на измерение только уровней религиозности и атеистичности. Выделенные группы – верующие, колеблющиеся, неверующие и атеисты⁴ – классифицировались в диахотическую оппозиционную пару «религиозные» и «нерелигиозные»⁵. Полученные данные позволяли проанализировать воздействие религиозности и атеистичности на направленность социально-политических, социально-экономических, социокультурных, национальных позиций и миграционных ориентаций студенческой молодежи [36].

Типология II позволила классифицировать респондентов по их отношению к эмиграции, выделив три основные группы: «оседлые», «региональные мигранты» и «прожективные эмигранты». В основу данной классификации были положены следующие критерии:

- фактическое место жительства;
- коренной – некоренной житель региона;
- факт получения образования в стране происхождения;
- наличие планов переезда (временных или постоянных);
- направление переезда (в пределах Российской Федерации или за рубеж);
- мотивы, побудившие к переезду [36].

В рамках второй типологии, как и в первой, для определения наиболее ярких мнений и оценок респондентов были использованы две крайние группы: «оседлые» и «прожективные эмигранты», которые представляют собой противоположные точки зрения.

² Конкретно-социологический анализ религиозности предполагает выяснение критериев религиозности, т. е. таких показателей, в которых фиксируется религиозность индивидов, позволяющих отделять верующих от неверующих, а также устанавливать степень и уровень религиозности.

³ Принадлежность к определенной конфессии определялась с помощью индикатора по номинальной шкале, которая отражала конфессию, доминирующую в изучаемых регионах России.

⁴ Типологическая группа «неверующие» определялась только через показатели нерелигиозного сознания; группа «атеисты» определялась через показатели нерелигиозного сознания и поведения.

⁵ Оппозиционные пары: *религиозные* – (группа «верующие»); *нерелигиозные* – (группы «неверующие» + «атеисты»).

Научные результаты

Предложенный ракурс выявления проблем, с учетом вышеизложенного, рассматривался на фоне общих характеристик и динамики секуляризационного процесса⁶ в столичном мегаполисе. Как неоднократно отмечалось религиоведами, в современном российском обществе мировые религии продолжают играть роль духовно-нравственного ориентира и хранительницы национальных традиций и обычаяв, не только для старшего поколения, но и молодежи.

Социологический мониторинг направленности процессов секуляризации москвичей проводится учеными ИСПИ и ИДИ ФНИСЦ РАН почти 30 лет⁷. Эмпирические данные фиксируют понижение уровня религиозности москвичей с 2015 г. и рост нерелигиозного населения. К 2024 г. уровень религиозности и атеистичности населения почти совпал с показателями тридцатилетней давности: 50% в 1996 г. и 46% в 2024 г. В целом нерелигиозные москвичи составляют около трети опрошенных: 28% в 1996 г. и 28% в 2024 г. Следует отметить, что пополнение нерелигиозного населения растет за счет группы «атеистов».

Процессы секуляризации молодежных групп развиваются в одном направлении: за последние 10–15 лет уровень религиозности упал настолько, насколько процентов вырос уровень нерелигиозности. В 2024 г. религиозная молодежь составила 38% и 38% – нерелигиозная (9% группа «неверующих», 29% группа «атеистов»)

По результатам исследований, проведенных среди студентов Москвы, с учетом образовательного ценза, выяснилось, что они более секуляризированы по сравнению с молодежью в целом. Около трети студентов оказались верующими – 27%, 23% – «колеблющимися», 43% – нерелигиозными (16% – группа «неверующих» и 27% – группа «атеистов»).

Таким образом, можно фиксировать, что в московском мегаполисе восстанавливается процесс секуляризации не только среди молодежи, но и среди всего населения.

Уровень религиозности среди респондентов, идентифицирующих себя как «оседлые», значительно превышает аналогичный показатель среди тех, кто относится к категории «прожективные эмигранты». Различие составляет 25–27 (соответственно среди студентов⁸ и населения Москвы) (табл. 1).

⁶ Мы придерживаемся точки зрения известных религиоведов, что секуляризация – это процесс, в результате которого религиозное мышление, практики и институты постепенно теряют свое социальное влияние. Речь идет об ослаблении влияния религии и церкви (как религиозного института) практически на все области жизни общества, на сознание, поведение, быт и стиль жизни социальных групп и отдельных индивидов.

⁷ Система показателей и эмпирических индикаторов религиозности и атеистичности за этот период времени не изменилась, что дало возможность фиксировать характеристики религиозности и атеистичности респондентов в сравнительной перспективе. Анализ «воцерковленности» и степени религиозности населения и социальной группы молодежи не входит в конкретный социологический поиск.

⁸ Для социологического анализа выделена социальная группа студенчества как наиболее подверженная эмигрантским настроениям: 17% опрошенного населения, 44% московской молодежи. Более 55% респондентов из числа студенчества Москвы желают переехать в другую страну, в том числе на постоянное местожительство 45%.

Таблица 1

**Уровни религиозности и атеистичности среди всего населения и студенчества
Москвы в группах «оседлые»/ «прожективные эмигранты» в 2022, 2024 гг.
(% от числа опрошенных в группах)**

Table 1

**Levels of religiosity and atheism among Moscow's total population and students
in the groups "settled"/ "projective emigrants" in 2022, 2024
(% of respondents in the groups)**

Отношение к религии и атеизму	Типологические группы	Москвичи			
		Все население, 2024 г.		Студенчество, 2022 г.	
		Оседлые	Прожективные эмигранты	Оседлые	Прожективные эмигранты
Религиозные население и молодежь	Верующие	43	28	28	16
«Неопределившиеся»	Колеблющиеся между верой и неверием	28	13	29	11
Нерелигиозные население и молодежь	Неверующие	14	7	11	32
	Атеисты	5	39	25	29
	Неверующие + атеисты	19	46	36	61

Источник: составлено по данным авторских социологических исследований

Результаты анализа конфессиональной самоидентификации демонстрируют логическую корреляцию среди миграционных групп. Так, среди православных студентов, проживающих в Москве, доля «оседлых» составляет 64%, а «эмигрантов» – 42%. В общей выборке православного населения Москвы процент «оседлых» достигает 85%, а «эмигрантов» – 56%.

Результаты социологических исследований подтверждают гипотезу автора о том, что конфессиональная идентичность доминирует над религиозной. Конфессиональная самоидентификация включает в себя несколько маркеров: религиозный, национальный, культурологический, территориальный. Поэтому замерять уровень религиозности, используя данный показатель, нецелесообразно, так как завышается уровень и степень религиозности населения, а, следовательно, и направленность секуляризационного процесса [13; 15]. И все же возможно использовать показатель «конфессиональная самоидентификация» для подтверждения указанных закономерностей. Стало быть, эмпирические показатели религиозной и конфессиональной самоидентификации свидетельствуют: группа «оседлых» в значительной степени более подвержена религиозным взглядам по сравнению с группой потенциальных «эмигрантов».

Отношение типологических групп к этноконфессиональным, социально-политическим, социокультурным процессам и ценностным ориентациям [28, с. 30]

Следует, прежде всего, учитывать социально-экономические и социально-политические факторы мотивации переезда из России в другие страны. Наиболее популярную позицию на основании эмпирических данных в рейтинге переезда занимает политический мотив: 51% опрошенного населения и 61% из группы студентов. Вне всяких сомнений, что на первом плане у молодежи – всегда любопытство

и интерес к новой и разрекламированной в СМИ обеспеченной жизни за рубежом. В частности, 65% из них стремятся к путешествиям. «Прожективные эмигранты» в обеих группах указывают на необходимость повышения заработка и улучшение жилищных условий. Безусловно, молодое поколение стремится получить более профессиональное образование (34%), а отсутствие карьерного роста вынуждает значительную часть студенчества (40% из них) рассчитывать на возможности реализовать свои потенциальные профессиональные навыки в более «заманчивых» и перспективных с их точки зрения странах. Полученные эмпирические данные этой социальной группы соотносятся с выводами сотрудников ИДИ ФНИСЦ РАН о приоритетных мотивах эмиграции российской молодежи (возможность трудоустройства и получение образования). Причины национального и религиозного характера в рейтинге переезда стоят на последних местах (табл. 2).

Таблица 2
Мотивация переезда из России в другие страны «прожективных эмигрантов» из Москвы в 2022, 2024 гг. (% от числа опрошенных в группах)

Table 2

Motivation for moving from Russia to other countries of “prospective emigrants” from Moscow in 2022, 2024 (% of respondents in groups)

Причины эмиграции	Москвичи	
	Все население, 2024 г.	Студенчество, 2022 г.
	Прожективные эмигранты	Прожективные эмигранты
Найти работу по специальности	23	13
Повысить уровень заработанной платы	30	55
Отсутствие карьерного роста	7	40
Получать более качественные медицинские услуги	0	24
Получать более профессиональное образование	16	34
Улучшить жилищные условия	26	24
Недостаточные возможности социокультурного развития и досуга	35	3
Возможность путешествовать	-	65
Семейные обстоятельства	26	18
Политические причины	51	61
Религиозные причины	0	5
Причины национального характера	9	13
Из-за плохой экологической обстановки в Москве	0	18

Источник: составлено по данным авторских социологических исследований

В сводной таблице 3 представлен сравнительный анализ оценочных суждений и ориентаций населения и студентов Москвы, относящихся к типологиям I и II по ключевым индикаторам (приложение).

1. Оценка религиозных и национальных тезисов (приложение, табл. 1, пп. 1, 2, 3)

В оценке деятельности Русской православной церкви (РПЦ) нерелигиозные респонденты и прожективные «эмигранты» проявляют более критическое восприятие, акцентируя внимание на деятельность церкви, связанной с политикой государства в различных сферах. В то же время все интервьюируемые отмечают высокий уровень клерикальной активности церкви, вне зависимости от их мировоззренческой принадлежности (по отношению к религии и атеизму) и миграционного статуса (рис. 1).

Продолжает фиксироваться сходство оценок религиозных и национальных проблем в парах «религиозные» – «оседлые» и «нерелигиозные» – «эмигранты». Так, «религиозные» и «оседлые» группы демонстрируют менее критические оценки тезиса, что «некоторые действия РПЦ способствуют разжиганию межнациональной или межрелигиозной розни» по сравнению с оппозиционными парами или «в нашем государстве идет ущемление прав некоторых национальностей за счет расширения прав других национальностей». Данные эмпирические показатели демонстрируют характер межнационального взаимодействия в столице: уровень напряженности в этой сфере, негативное отношение к некоторым национальностям, включенность в конфликтах на стороне своей этнической группы и т. д.

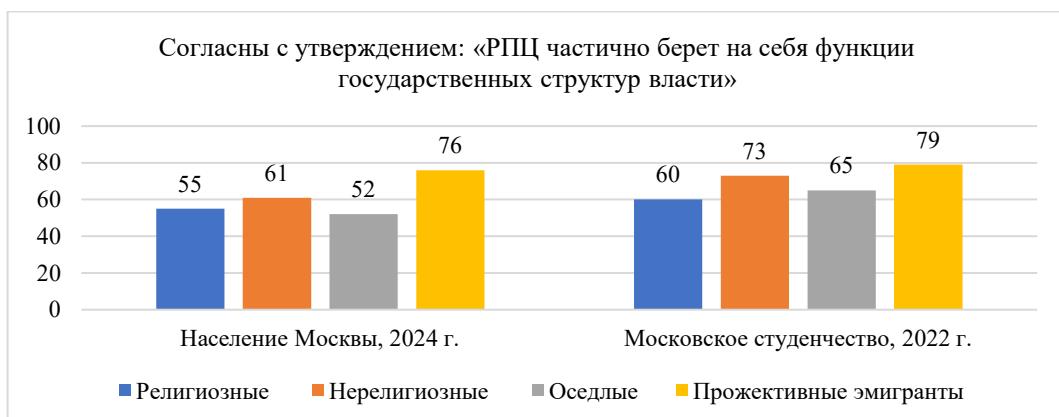

Рис. 1. Отношение к деятельности РПЦ среди населения и студенческой молодежи Москвы в 2022, 2024 гг. (% от числа опрошенных в группах «религиозные»/«нерелигиозные» и «оседлые»/«прожективные эмигранты»)

Fig. 1. Attitudes to the activities of the Russian Orthodox Church among Moscow's population and student youth in 2022, 2024 (% of respondents in the groups "religious"/"non-religious" and "settled"/ "projective emigrants")

Источник: составлено по данным авторских социологических исследований

2. Оценка социально-экономических тезисов (приложение, табл. 1, пп. 4, 5, 6)

В рамках анализа социально-экономической ситуации были определены ключевые индикаторы, оказывающие влияние на geopolитическую нестабильность. Проведенное сравнительное исследование типологических групп выявило самый высокий показатель нестабильности в экономической сфере среди населения и студентов, идентифицирующих себя как «нерелигиозные» и «эмигранты»: от 60 до 70% из них отмечали тезис «неопределенность жизненных перспектив» (рис.2).

Вопросы, связанные с проявлениями произвола и бюрократическими барьерами в деятельности государственного аппарата, вызывают обеспокоенность у представителей всех типологических групп. Однако наибольшую степень неудовлетворенности демонстрируют опять же представители «нерелигиозных» и «эмигрантов», по сравнению с оппозиционными группами. При более внимательном анализе опять выделяются группы «прожективных эмигрантов» среди населения и студентов, которые даже в сравнении с «нерелигиозными» проявляет более

критичное отношение к экономическим проблемам в России (54% и 53% соответственно) (рис. 3).

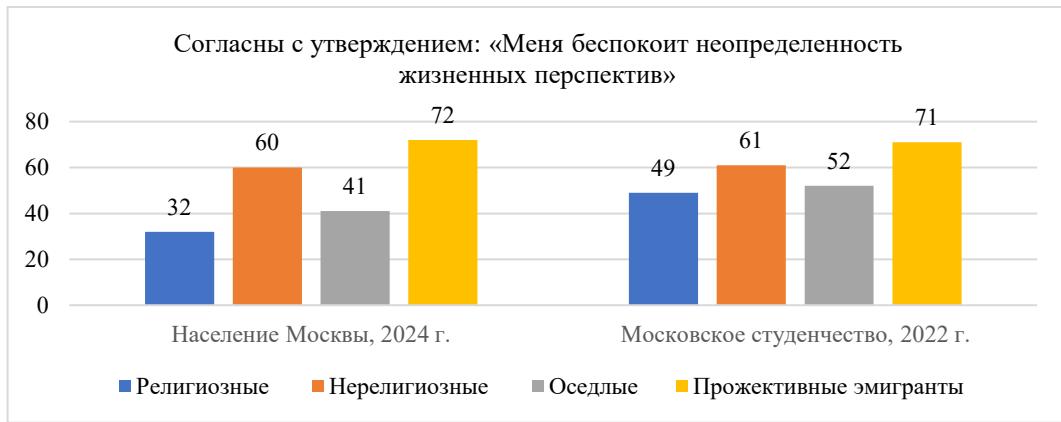

Рис. 2. Отношение к жизненным перспективам среди населения и студенческой молодежи Москвы в 2022, 2024 гг. (% от числа опрошенных в группах «религиозные»/«нерелигиозные» и «оседлые»/«прожективные эмигранты»)

Fig. 2. Attitudes towards life prospects among Moscow's population and student youth in 2022, 2024 (% of respondents in the groups “religious”/ “non-religious” and “settled”/ “projective emigrants”)

Источник: составлено по данным авторских социологических исследований

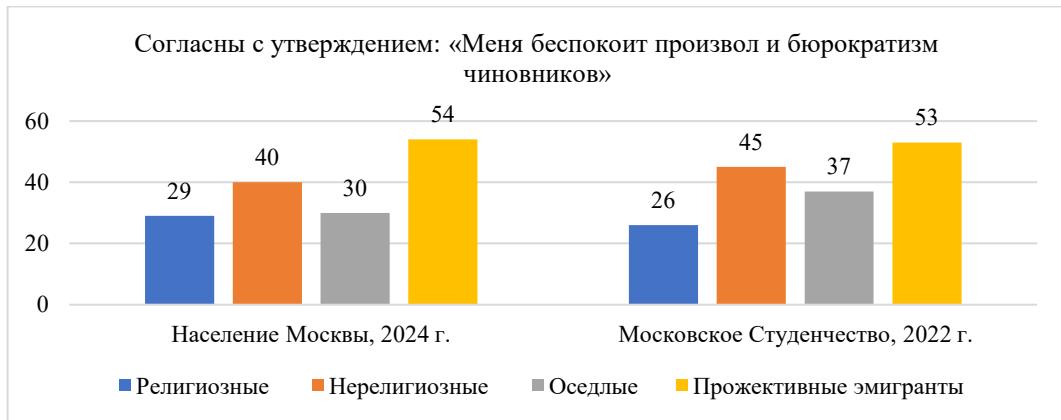

Рис. 3. Отношение к деятельности чиновников среди населения и студенческой молодежи Москвы в 2022, 2024 гг. (% от числа опрошенных в группах «религиозные»/«нерелигиозные» и «оседлые»/«прожективные эмигранты»)

Fig. 3. Attitudes to the activities of officials among Moscow's population and student youth in 2022, 2024 (% of respondents in the groups “religious”/ “non-religious” and “settled”/ “projective emigrants”)

Источник: составлено по данным авторских социологических исследований

3. Оценка социально-политических тезисов (приложение, табл. 1, пп. 7–12)

Политическая мотивация стала значимым фактором, влияющим на процесс эмиграции в 2022 и 2024 гг. До 74% потенциальных эмигрантов в обеих группах

обеспокоены проведением специальной военной операции на территории Украины (рис. 4) и усилением международной напряженности (от 60 до 82%). В группах «религиозных» и «оседлых» проблемы международной напряженности затрагиваются чуть меньше: от 45 до 54% респондентов.

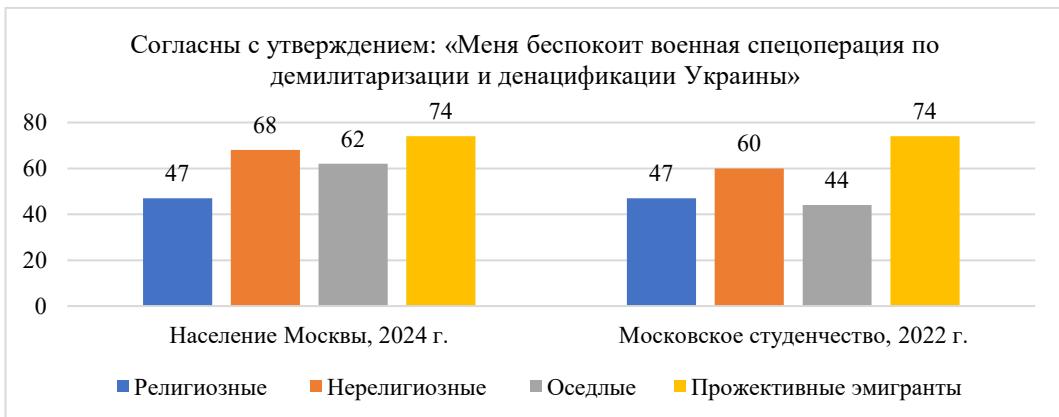

Рис. 4. Отношение к СВО среди населения и студенческой молодежи Москвы в 2022, 2024 гг. (% от числа опрошенных в группах «религиозные»/«нерелигиозные» и «оседлые»/«прожективные эмигранты»)

Fig. 4. Attitudes towards the Special Military Operation among Moscow's population and student youth in 2022, 2024 (% of respondents in the groups "religious"/"non-religious" and "settled"/"projective emigrants")

Источник: составлено по данным авторских социологических исследований

Критический настрой по отношению к социально-политическим реформам и политической системе также наиболее ярко выражен среди населения в группах «нерелигиозных» (43%) и «прожективных эмигрантов» (61%). Они согласились с предложенным тезисом о «необходимости радикального реформирования существующей политической системы». Среди «религиозного» населения доля, поддерживающих радикальные изменения, составляет 15%, а среди «оседлых» еще меньше – 5%⁹.

В оценке уровня гражданской идентичности «Я горжусь, что я гражданин России» выделяются патриотической настроенностью, как и ожидалось, представители «религиозных» (62%) и «оседлых» групп студенчества (72%). В то же время среди «нерелигиозных» данный показатель составляет 45%, а среди «эмigrantов» – 26%¹⁰.

В отношении возможности объединения народов вокруг России совпадение тенденций в указанных группах в целом сохраняется. «Нерелигиозные» и «прожективные эмигранты» с неопределенными планами на будущее демонстрируют высокий уровень пессимизма по поводу «возрождения» государства. Наиболее оптимистично настроены «религиозные» и «оседлые» группы. Показательно, что

⁹ Данный показатель не использовался в 2022 г. при опросе студенческих групп в Москве, Республике Тыва и Белгородской области РФ.

¹⁰ Данный показатель не использовался в 2024 г. при опросе населения Москвы.

население Москвы в группах «религиозных» и «оседлых» значительно оптимистичнее смотрит в будущее в сравнении с подобными группами студенчества (рис. 5).

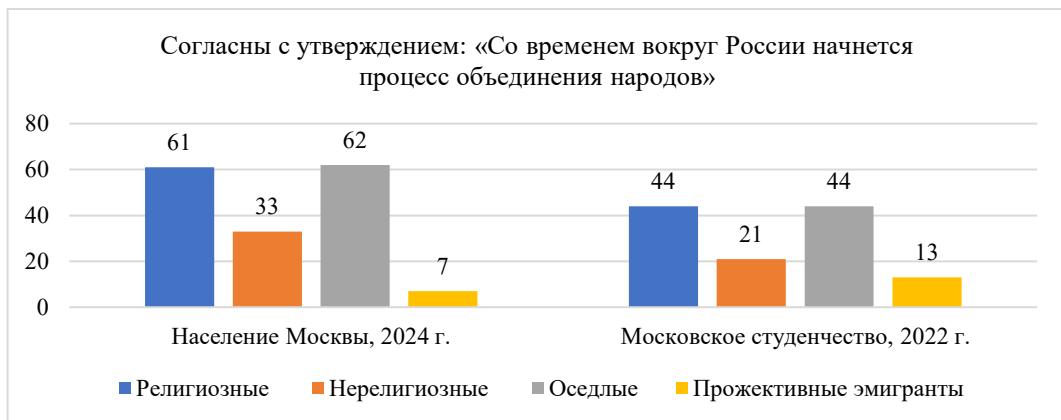

Рис. 5. Позиции в отношении объединительной идеи среди населения и студенческой молодежи Москвы в 2022, 2024 гг. (% от числа опрошенных в группах «религиозные»/«нерелигиозные» и «оседлые»/«прожективные эмигранты»)

Fig. 5. Positions on the unifying idea among Moscow's population and student youth in 2022, 2024 (% of respondents in the groups "religious"/"non-religious" and "settled"/"projective emigrants")

Источник: составлено по данным авторских социологических исследований

4. Оценка социально-политических и социокультурных ценностей (приложение, табл. 1, пп. 13–20)

В социологических исследованиях 2022 и 2024 гг. частично была использована шкала Ш. Шварца, характеризующая личные и коллективные ценности (очень важные – важные – неважные), определяющие поведенческие установки личности. В инструментарии предлагалось двадцать ценностных позиций.

Такие ценности как «патриотизм» (любовь к Родине, Отечеству, благополучие страны и своего народа) [40; 41], «национальная безопасность», «счастье и благополучие других» (близких, друзей, народа, человечества в целом), «семья и воспитание детей» как очень важные ценности в жизнедеятельности общества получили более высокие баллы в группах «религиозных» и «оседлых» по сравнению с группами оппозиции. Особенно это проявилась в отношении социально-политической ценности «патриотизм» (рис. 6) и духовно-нравственной ценности «семья и воспитание детей» (рис. 7).

Группы «прожективных эмигрантов» и «нерелигиозных» отмечают как очень важные в своей жизнедеятельности социокультурные и динамичные ценности: свободу, активную жизненную позицию, творческую самореализацию. Особенno ярко это проявляется в оценке «независимости в поступках и действиях» среди «эмигрантов», где данный показатель достигает 80–84% и среди населения, и студенчества соответственно.

Согласны с утверждением: «Патриотизм (любовь к Родине, Отечеству, благополучие страны и своего народа) – очень важная ценность в жизнедеятельности общества»

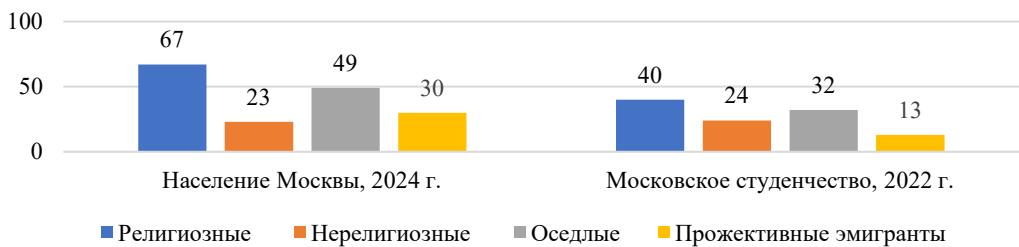

Рис. 6. Позиции в отношении патриотизма как важной ценности среди населения и студенческой молодежи Москвы в 2022, 2024 гг. (% от числа опрошенных в группах «религиозные»/ «нерелигиозные» и «оседлые»/ «прожективные эмигранты»)

Fig. 6. Positions on patriotism as an important value among Moscow's population and student youth in 2022, 2024 (% of respondents in the groups "religious"/ "non-religious" and "settled"/ "projective emigrants")

Источник: составлено по данным авторских социологических исследований

Согласны с утверждением: «Семья и воспитание детей (счастливая семейная жизнь) – очень важная ценность в жизнедеятельности общества»

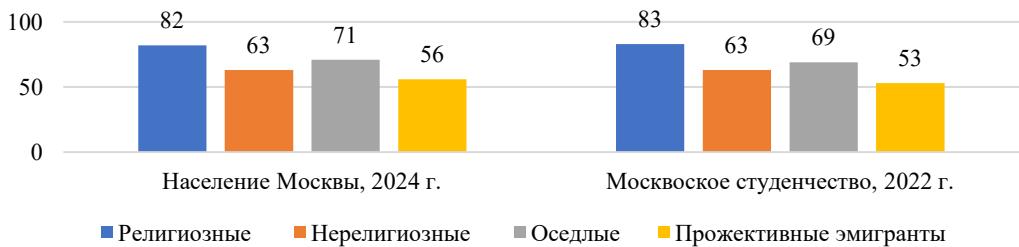

Рис. 7. Позиции в отношении семьи и воспитания детей как важной ценности среди населения и студенческой молодежи Москвы в 2022, 2024 гг. (% от числа опрошенных в группах «религиозные»/ «нерелигиозные» и «оседлые»/ «прожективные эмигранты»)

Fig. 7. Positions regarding family and raising children as an important value among Moscow's population and student youth in 2022, 2024 (% of respondents in the groups "religious"/ "non-religious" and "settled"/ "projective emigrants")

Источник: составлено по данным авторских социологических исследований

Перед изучаемыми группами населения и студенчества был поставлен более конкретный вопрос о востребованности консолидированной идеи, ценности, которая смогла бы объединить российское общество.

Разница в положительных оценках необходимости общенациональной идеи, представляющих полярные группы в типологиях, остается на уровне 20–30% в пользу групп «религиозных» и «оседлых» респондентов (табл. 3).

Таблица 3

Оценка необходимости общенациональной идеи среди населения и студенческой молодежи Москвы в 2022, 2024 гг. (% от числа опрошенных в группах «религиозные»/ «нерелигиозные» и «оседлые»/ «прожективные эмигранты»)

Table 3

Assessing the need for a national idea among Moscow's population and student youth in 2022, 2024 (% of respondents in the groups "religious"/ "non-religious" and "settled"/ "projective emigrants")

Позиции	Москвичи							
	Все население, 2024 г.				Студенчество, 2022 г.			
	Религиозные	Нерелигиозные	Оседлые	Прожективные эмигранты	Религиозные	Нерелигиозные	Оседлые	Прожективные эмигранты
1. Да, общенациональная идея необходима	79	66	89	56	68	46	65	37
2. Нет, не нужна	8	25	0	37	13	34	21	40
3. Затрудняюсь ответить	13	9	11	7	19	20	14	24

Источник: составлено по данным авторских социологических исследований

Участникам опроса были предложены четырнадцать номинаций, которые могли бы объединить российское общество и стать основой для национального согласия. Среди них были как социально-политические, так и социокультурные и религиозно-национальные идеи. В рейтинге ценностей у групп, которые были определены как «религиозные» и «оседлые», лидировали: «патриотизм», «социальная справедливость» и «национальная гордость». А у групп «нерелигиозных» и «прожективных эмигрантов»: «свобода и права человека», «социальная справедливость» и «безопасность». Не рассматривая более подробно в данном тематическом материале все предложенные номинации, следует отметить, что ценности этноконфессионального порядка – «религия, религиозные традиции» и «интернационализм» – в рейтинге консолидирующих идей стоят в последних рядах, занимая 8–9 места.

Заключение

Проведенные социологические исследования доказывают необходимость изучения взаимосвязи между религиозностью и эмиграционными настроениями респондента. Учет уровня и степени религиозности и секуляризации существенно расширяет возможности факторного анализа эмиграционных настроений в современной России. Эмпирически подтверждено, что религиозность выступает значимым элементом социальной стабильности, снижающим вероятность формирования эмиграционных интенций.

Основой этой устойчивости является комплекс причин.

1. *Ценностно-мировоззренческая составляющая*: религиозные убеждения, основанные на традиционных духовно-нравственных ценностях, формируют специфическое отношение к месту индивида в обществе.

2. *Социально-сетевая поддержка*: прочные связи в рамках семьи и религиозных общин обеспечивают чувство принадлежности и солидарности, что усиливается коммуникацией через религиозные медиа.

3. *Социокультурный фундамент*: указанные факторы создают прочную основу, минимизирующую стремление к поиску лучшей жизни за рубежом, даже при наличии объективных социально-экономических стимулов.

Все вышеизложенное может выступать как фундамент, удерживающий верующих от переезда, что, естественно, снижает необходимость в эмиграции для поиска более престижной работы и обеспеченной жизни за рубежом.

Эмпирическая проверка, построенная на сопоставлении двух типологий (по религиозному признаку и по миграционным установкам), выявила следующие структурные связи:

1. Уровень секуляризации является ключевой характеристикой для дифференциации групп. Большинство религиозных респондентов среди населения и студенчества относится к группе «оседлые», в то время как нерелигиозные респонденты («неверующие», «атеисты») концентрируются в группе «прожективные эмигранты».

2. Установлено значительное сходство социально-политических и ценностных профилей «религиозных» и «оседлых» групп. Для них характерны позитивная оценка государственной политики, гражданский оптимизм и приоритет ценностей патриотизма, национальной гордости, социальной справедливости и национальной безопасности (рис. 8).

3. Группы «нерелигиозных» и «прожективных эмигрантов» также демонстрируют ценностное и позиционное сходство. С одной стороны, ключевыми ценностями для них являются: «свобода и права человека» (независимость в поступках и действиях), «социальная справедливость», «активная жизненная позиция» (максимально полное использование своих сил и способностей), творческая деятельность. С другой – их объединяет повышенная озабоченность социально-экономическими и политическими проблемами, скептицизм в отношении деятельности религиозных организаций вкупе с официальным курсом государства. То есть эти группы (но в большей степени «прожективные мигранты») проявляют негативную оценку across the board. Отметим, что семейные, идеологические и патриотические ценности не занимают центрального места в их системе приоритетов (рис. 8).

Таким образом, следует учитывать, что значительная часть нерелигиозного населения, а тем более молодое поколение россиян, как показывают исследования, менее поддерживает традиционные духовно-нравственные ценности и склонна к индивидуальному поиску лучшей жизни в более «заманчивых» и перспективных, с их точки зрения, странах.

Безусловно, традиционные «выталкивающие» факторы эмиграции – социально-экономические и социально-политические – сохраняют свою силу. Однако в данном материале мы пытались доказать, что секуляризация является самостоятельным фактором, стимулирующим эмиграционные настроения, в то время как

религиозность, напротив, формируя комплекс гражданских и патриотических установок, основанных на духовно-нравственных ценностях, снижает эмиграционную активность. Отметим главное: понимание роли религиозного фактора как одного из барьеров эмиграции, является необходимым условием для разработки более глубоких и эффективных решений в области государственной национальной и миграционной политики.

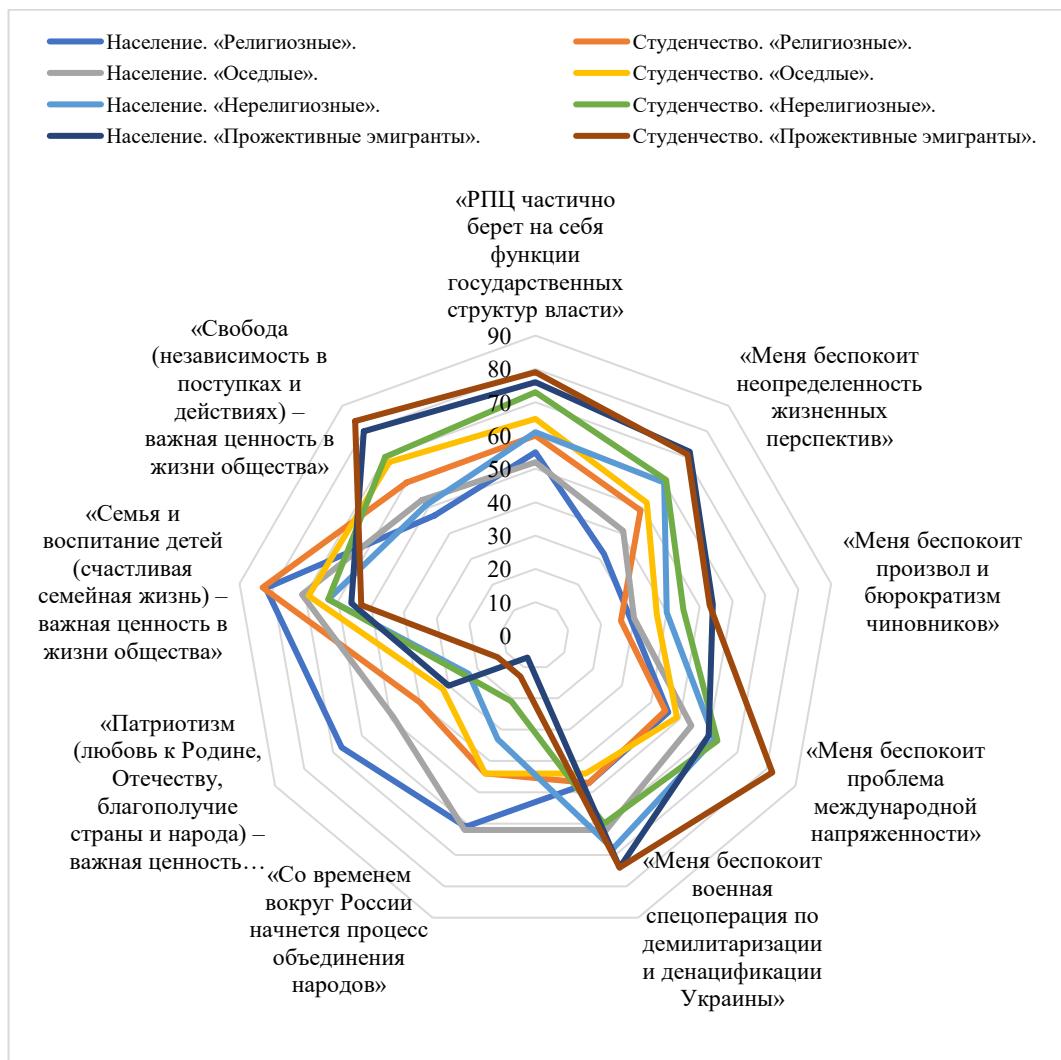

Рис. 8. Ценостные профили и социально-политические позиции типологических групп «религиозные/нерелигиозные» и «оседлые/эмигранты» (население и студенческая молодежь Москвы, 2022, 2024 гг., %)

Fig. 8. Value profiles and socio-political positions of the typological groups “religious”/ “non-religious” and “settled”/ “projective emigrants” (Moscow population and student youth, 2022, 2024, %)

Источник: составлено по данным авторских социологических исследований

Список литературы

1. Рязанцев, С. В. Эмиграция молодежи из России: формы, тенденции и последствия / С. В. Рязанцев, А. С. Лукьянец // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия общественных наук. 2016. № 1(66). С. 59–72. EDN [VZSZNH](#).
2. Рязанцев, С. В. Новые формы временной эмиграции из России // Наука. Инновации. Технологии. 2014. № 2. С. 81–93. EDN [SQKZZP](#).
3. Савоскул, М. С. Эмиграция из России в страны дальнего зарубежья в конце XX – начале XXI века // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2016. № 2. С. 44–53. EDN [WJDAIR](#).
4. Воробьевева, О. Д. Трансформация российской эмиграции на рубеже XX–XXI вв. / О. Д. Воробьевева, И. А. Алешковский, А. А. Гребенюк // Век глобализации. 2017. № 4(24). С. 100–111. EDN [ZVKNOB](#).
5. Ионцев, В. А. Новые тенденции и формы эмиграции из России / В. А. Ионцев, С. В. Рязанцев, С. В. Ионцева // Экономика региона. 2016. Т. 12, № 2. С. 499–509. DOI [10.17059/2016-2-15](#). EDN [VZEJYL](#).
6. Лукьянец, А. С. Эмиграции из России в США и Канаду в контексте расширения русскоговорящих сообществ / А. С. Лукьянец, А. И. Тышкевич // Народонаселение. 2023. Т. 26, № 1. С. 83–96. DOI [10.19181/population.2023.26.1.7](#). EDN [NZGFVX](#).
7. Рязанцев, С. В. «Русскоязычная» экономика как механизм интеграции русскоговорящих мигрантов в принимающих странах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2017. Т. 25, № 1. С. 122–136. DOI [10.22363/2313-2329-2017-25-1-122-136](#). EDN [ZEJOMP](#).
8. Храмова, М. Н. Факторы эмиграции из России в постсоветский период: региональные особенности / М. Н. Храмова, С. В. Рязанцев // Экономика региона. 2018. Т. 14, № 4. С. 1298–1311. DOI [10.17059/2018-4-19](#). EDN [YRQACD](#).
9. Байков, А. А. Эмиграция молодежи из России: масштабы, каналы, последствия / А. А. Байков, А. С. Лукьянец, Е. Е. Письменная [и др.] // Социологические исследования. 2018. № 11(415). С. 75–84. DOI [10.31857/S013216250002787-8](#). EDN [YPHVPN](#).
10. Муращенко, Н. В. Эмиграционные интенции молодежи: теоретические основы изучения и категориальное разнообразие (обзор зарубежных исследований) // Современная зарубежная психология. 2021. Т. 10, № 3. С. 57–67. DOI [10.17759/jmpf.2021100306](#). EDN [IXXXDL](#).
11. Рязанцев, С. В. Старые и новые тенденции эмиграции из России в Латинскую Америку / С. В. Рязанцев, Е. Е. Письменная // Народонаселение. 2014. № 2(64). С. 58–64. EDN [SJFYRB](#).
12. Черевичко, Т. В. Концептуальное поле миграции // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2012. Т. 12, № 1. С. 5–9. EDN [OZBOJV](#).
13. Кублицкая, Е. А. Традиционная религиозность и нетрадиционные религиозные учения в жизни российской молодежи: социально-педагогические аспекты / Е. А. Кублицкая, И. В. Лютенко // ЦТИСЭ. 2019. № 5(22). С. 478–493. DOI [10.15350/24097616.2019.5.44](#). EDN [BWYSYK](#).
14. Андреева, Л. А. Религиозность студенческой молодежи. Опыт сопоставления с религиозностью россиян / Л. А. Андреева, Л. К. Андреева // Социологические исследования. 2010. № 9(317). С. 95–98. EDN [LINFOQW](#).
15. Кублицкая, Е. А. Традиционная и нетрадиционная религиозность: опыт социологического изучения // Социологические исследования. 1990. № 5. С. 95–103. EDN [BGWJUG](#).
16. Кублицкая, Е. А. Особенности религиозности в современной России // Социологические исследования. 2009. № 4(300). С. 96–107. EDN [JZFQOZ](#).
17. Саморегуляция жизнедеятельности молодежи: методология и социальные практики / Ю. А. Зубок, О. Н. Безрукова, Ю. Р. Вишневский [и др.]. Белгород : Общество с ограниченной ответственностью Эпизентр, 2021. 500 с. ISBN 978-5-6045221-7-2. EDN [SUHSWJ](#).
18. Лебедев, С. Д. Отношение учащейся молодежи к религии // Социологические исследования. 2007. № 7(279). С. 87–96. EDN [IAIKQH](#).
19. Лопаткин, Р. А. Социология религии в России: опыт прошлого и современные проблемы // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2010. Т. 28, № 4. С. 266–272. EDN [PFGRPB](#).
20. Православие и современность: проблемы секуляризма и постсекуляризма : коллективная монография / М. Ю. Смирнов, Ю. Ю. Синелина, А. И. Кырлежев [и др.]. Москва : Новоспасский монастырь, 2015. 456 с. EDN [WMPZRD](#).

21. Синелина, Ю. Ю. Религия в современном мире // Наука. Культура. Общество. 2013. № 1. С. 101–117. EDN [GDODDK](#).
22. Угринович, Д. М. Введение в религиоведение. 2-е изд., доп. Москва : Мысль, 1985. 270 с.
23. Яблоков, И. Н. Социология религии. Москва : Мысль, 1979. 182 с.
24. Энциклопедический словарь социологии религии / О. И. Антонова, Е. И. Аринин, А. С. Астахова [и др.]. Санкт-Петербург : Платоновское общество, 2017. 508 с. ISBN 978-5-9909527-7-5. EDN [ZXBLHH](#).
25. Кублицкая, Е. А. Основные ценности консолидации российского общества в представлениях религиозной и нерелигиозной студенческой молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2023. Т. 9, № 2. С. 21–42. DOI [10.18413/2408-9338-2023-9-2-0-3](#). EDN [PBFDES](#).
26. Дивисенко, К. С. Влияние конфессиональной принадлежности и воцерковленности на удовлетворенность жизнью верующих / К. С. Дивисенко, О. В. Дивисенко // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2017. Т. 10, № 1. С. 99–114. DOI [10.21638/11701/spbu12.2017.107](#). EDN [ZDAXSF](#).
27. Ефремова, М. В. Исследование взаимосвязи религиозности с показателями отношения к работе: на примере православия и ислама / М. В. Ефремова, М. А. Лазуткина // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2013. № 1(21). С. 27–34. EDN [RIDWYF](#).
28. Прудкова, Е. В. Связь религиозности и ценностно-нормативных показателей: фактор религиозной социализации // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. 2015. № 3(59). С. 62–80. DOI [10.15382/sturI201559.62-80](#). EDN [TZUEVF](#).
29. Huber, S. The Centrality of Religiosity Scale (CRS) / S. Huber, O.W.Huber // Religions. 2012. Vol. 3, № 3. Pp. 710–724. DOI [10.3390/rel3030710](#).
30. Религиоведение : Учебник для бакалавров / И. Н. Яблоков, А. В. Апполонов, Ф. М. Ацамба [и др.]. 1-е изд.. Москва : Издательство Юрайт, 2012. 479 с. ISBN 978-5-9916-1627-0. EDN [VTTCRL](#).
31. Писманик, М. Г. Этюды о социальных перспективах отечественной религиозности // Религия в культуре и в гражданском единении : Монография. Пермь : Пермский государственный институт культуры, 2019. С. 230–238. EDN [QBTSLV](#).
32. Узланер, Д. А. Постсекулярный поворот. Как мыслить о религии в XXI веке. Москва : Изд-во Института Гайдара, 2020. 410 с. ISBN 978-5-93255-581-1.
33. Чеснокова, В. Ф. Тесным путем: Процесс воцерковления населения России в конце XX века : Монография. Москва : Академический проект, 2005. 304 с. ISBN 5-8291-0359-1. EDN [SULLZJ](#).
34. Андрианов, Н. П. Особенности современного религиозного сознания / Н. П. Андрианов, Р. А. Лопаткин, В. Б. Павлюк ; Акад. обществ. наук при ЦК КПСС. Ин-т науч. атеизма. Москва : Мысль, 1966. 247 с.
35. Кублицкая, Е. А. Методолого-методический анализ соотношения религиозной и конфессиональной самоидентификаций (на примере изучаемых субъектов РФ) // Научный результат. Социология и управление. 2024. Т. 10, № 1. С. 11–27. DOI [10.18413/2408-9338-2024-10-1-0-2](#). EDN [XIPWEA](#).
36. Кублицкая, Е. А. Миграционные и социально-политические ориентации религиозной и нерелигиозной студенческой молодежи // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29, № 3. С. 164–184. DOI [10.19181/nko.2023.29.3.10](#). EDN [LKKNQB](#).
37. Яблоков, И. Н. Методологические проблемы социологии религии. Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1972. 133 с.
38. Угринович, Д. М. Введение в религиоведение. 2-е изд., доп. Москва : Мысль, 1985. 270 с.
39. Яблоков, И. Н. Социология религии. Москва : Мысль, 1979. 182 с.
40. Кузнецова, А. В. Гражданский патриотизм – основа формирования новой российской идентичности : Монография / А. В. Кузнецова, Е. А. Кублицкая. Рос. акад. наук, Отд-ние обществ. наук, Ин-т соц.-полит. исслед. Москва : РИЦ ИСПИ РАН, 2005. ISBN 5-7556-0321-9. EDN [QOEUPP](#).
41. Патриотизм современной российской молодежи: концептуальные основания и технологии воспитания : Коллективная монография / В. Д. Байрамов, И. В. Бочарников, А. И. Дурягина [и др.]. Москва : Издательский Дом Альфа-М, 2013. 144 с. EDN [VTMHNR](#).

Сведения об авторе

Кублицкая Елена Александровна, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: eakubl@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0001-9685-2213](#); РИНЦ SPIN-код: [2424-8940](#); Scopus Author ID: [57196415190](#); Web of Science Researcher ID: [J-8935-2018](#).

Статья поступила в редакцию 02.08.2025; принята в печать 06.10.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

EMIGRATION ATTITUDES OF RELIGIOUS AND NON-RELIGIOUS MOSCOVITES

Elena A. Kublitskaya

Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: eakubl@yandex.ru

For citation: Kublitskaya, E. A. Emigration Attitudes of Religious and Non-Religious Muscovites. *DEMIS. Demographic Research.* 2025. Vol. 5, No. 4. Pp. 165–187. DOI [10.19181/demis.2025.5.4.10](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.4.10). (In Russ.)

Abstract. To fully understand the demographic processes in contemporary Russian society and make accurate scientific predictions in the field of demographics and migration, we need to take into account a complex set of factors, including religious and ethnic-confessional ones. The aim of this study was to identify and analyze the possible influence of the religious aspect on emigration intentions among Russian citizens. We used data from surveys conducted by the IDR FCTAS RAS (2019, 2004) among Moscow residents and students. The study focused on examining the relationship between religious and nonreligious views of respondents with varying levels of emigration tendencies. This was done using a method based on constructing two typologies based on ideological (religious/secular) and migrational (settled/projective) characteristics. Sociological research was conducted through a comparative analysis of assessments and attitudes of representatives from these groups towards socio-political, economic, cultural, and ethnic-religious processes. Findings indicate that religious beliefs and secularization are important factors in analyzing the characteristics of typological groups. Religious beliefs and related traditions often coincide with “settled” groups, demonstrating structural similarities, while the “secular” group overlaps significantly with potential emigrant groups. Socio-political and economic positions, as well as value systems, of “settled groups” demonstrate a positive assessment of state policies and religious organizations, a civic stance and optimism about the future of unification around Russia and restoration of its international status. “Patriotism”, “national pride”, “social justice”, and “security” are prominent in these groups’ ideas and values that contribute to national consensus. Non-religious and projective emigrant groups share similar positions and values but are more concerned about socio-economic and political matters. They have less pride in Russian society, are skeptical about unifying around Russia, and believe in radical change to the political system. Their key values include “freedom”, “human rights”, “justice”, and creativity. Ideology and patriotism do not play a central role in their priorities. Overall, it can be concluded that a religious worldview based on traditional values contributes to social stability and reduces emigration, while a secular one promotes potential emigration through greater openness to change.

Keywords: sociopolitical processes, sociocultural processes, migration processes, emigration, secularization, religiosity, spiritual and moral values, population, youth, students

References

1. Ryazantsev, S. V., Lukyanets, A. S. Emigration of Youth from Russia: Forms, Tendencies and Consequences. *Bulletin of TSULBP. Series of Social Sciences.* 2016. No. 1(66). Pp. 59–72. (In Russ.).
2. Ryazantsev, S. V. New Forms of Temporary Emigration from Russia. *Science. Innovations. Technologies.* 2014. No. 2. Pp. 81–93. (In Russ.).
3. Savoskul, M. S. Emigration from Russia to the Non-Cis Countries during the Late 20th – the Early 21st Century. *Moscow University Bulletin. Series 5, Geography.* 2016. No. 2. Pp. 44–53. (In Russ.).
4. Vorobyova, O. D., Aleshkovsky, I. A., Grebenyuk, A. A. Transformation of Russian Emigration at the Turn of the 20th – 21st Centuries. *Age of Globalization.* 2017. No. 4(24). Pp. 100–111. (In Russ.).

5. Iontsev, V. A., Ryazantsev, S. V., Iontseva, S. V. Emigration from Russia: New Trends and Forms. *Economy of Region*. 2016. Vol. 12, No. 2. Pp. 499–509. DOI [10.17059/2016-2-15](https://doi.org/10.17059/2016-2-15). (In Russ.).
6. Lukyanets, A. S., Tyshkevich, A. I. Emigration from Russia to the USA and Canada in the Context of the Expansion of Russian-Speaking Communities. *Population*. 2023. Vol. 26, No. 1. Pp. 83–96. DOI [10.19181/population.2023.26.1.7](https://doi.org/10.19181/population.2023.26.1.7). (In Russ.).
7. Ryazantsev, S. V. “Russian-Speking” Economy as the Mechanism of the Integration of Russian-Speking Migrants in the Receiving Countries. *RUDN Journal of Economics*. 2017. Vol. 25, No. 1. Pp. 122–136. DOI [10.22363/2313-2329-2017-25-1-122-136](https://doi.org/10.22363/2313-2329-2017-25-1-122-136). (In Russ.).
8. Khramova, M. N., Ryazantsev, S. V. Factors of Emigration from Russia: Regional Features. *Economy of Region*. 2018. Vol. 14, No. 4. Pp. 1298–1311. DOI [10.17059/2018-4-19](https://doi.org/10.17059/2018-4-19). (In Russ.).
9. Baykov, A. A., Lukyanets, A. S., Pismennaya, E. E., Rostovskaya, T. K., Ryazantsev, S. V. Youth Emigration from Russia: Scale, Channels, Consequences. *Sociological Studies*. 2018. No. 11(415). Pp. 75–84. DOI [10.31857/S013216250002787-8](https://doi.org/10.31857/S013216250002787-8). (In Russ.).
10. Murashcenkova, N. V. Emigration Intentions of Youth: Theoretical Foundations of the Study and Categorical Diversity (A Review of International Studies). *Modern Foreign Psychology*. 2021. Vol. 10, No. 3. Pp. 57–67. DOI [10.17759/jmfp.2021100306](https://doi.org/10.17759/jmfp.2021100306). (In Russ.).
11. Ryazantsev, S. V., Pismennaya, E. E. Old and New Trends in Emigration from Russia to Latin America. *Population*. 2014. No. 2(64). Pp. 58–64. (In Russ.).
12. Cherevichko, T. V. Conceptual Sphere of Migration. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*. 2012. Vol. 12, No. 1. Pp. 5–9. (In Russ.).
13. Kublitskaya, E. A., Lutenko, I. V. Traditional Religious and Non-Traditional Religious Teachings in the Life of the Russian Youth: Socio-Pedagogical Aspects. *CITISE*. 2019. No. 5(22). Pp. 478–493. DOI [10.15350/24097616.2019.5.44](https://doi.org/10.15350/24097616.2019.5.44). (In Russ.).
14. Andreeva, L. A., Andreeva, L. K. Religiosity of Student Youth: A Comparison with the Religiosity of Russians. *Sociological Studies*. 2010. No. 9(317). Pp. 95–98. (In Russ.).
15. Kublitskaya, E. A. Traditional and Non-Traditional Religiosity: An Experience of Sociological Study. *Sociological Studies*. 1990. No. 5. Pp. 95–103. (In Russ.).
16. Kublitskaya, E. A. Specifics of Religiosity Studies in Contemporary Russia. *Sociological Studies*. 2009. No. 4(300). Pp. 96–107. (In Russ.).
17. *Samoregulyatsiya zhiznedeyatel'nosti molodezhi: metodologiya i sotsial'nyye praktiki* [Self-regulation of youth life: methodology and social practices]. Yu. A. Zubok, O. N. Bezrukova, Yu. R. Vishnevsky [et al.]. Belgorod : Epicenter LLC Publ., 2021. 2021. 500 p. ISBN 978-5-6045221-7-2. (In Russ.).
18. Lebedev, S. D. Studying Youth Attitudes towards Religion. *Sociological Studies*. 2007. No. 7(279). Pp. 87–96. (In Russ.).
19. Lopatkin, R. A. Sociology of Religion in Russia: Past Experience and Contemporary Problems. *State, Religion and Church in Russia and Worldwide*. 2010. Vol. 28, No. 4. Pp. 266–272. (In Russ.).
20. Pravoslaviye i sovremennoe: problemy sekulyarizma i postsekulyarizma [Orthodoxy and modernity: problems of secularism and post-secularism] : collective monograph. M. Yu. Smirnov, Yu. Yu. Sinelina, A. I. Kyrlezhev [et al.]. Moscow : Novospassky Monastery Publ., 2015. 456 p. (In Russ.).
21. Sinelina Yu. Yu. Religion in the Modern World. *Science. Culture. Society*. 2013. No. 1. Pp. 101–117. (In Russ.).
22. Ugrinovich, D. M. *Vvedeniye v religiovedeniye* [Introduction to Religious Studies]. 2nd ed., suppl. Moscow : Mysl Publ., 1985. 270 p. (In Russ.).
23. Yablokov, I. N. *Sotsiologiya religii* [Sociology of religion]. Moscow : Mysl Publ., 1979. 182 p. (In Russ.).
24. *Entsiklopedicheskiy slovar' sotsiologii religii* [Encyclopedic dictionary of the sociology of religion]. O. I. Antonova, E. I. Arinin, A. S. Astakhova [et al.]. St. Petersburg : Platonov Society, 2017. 508 p. ISBN 978-5-9909527-7-5. (In Russ.).
25. Kublitskaya, E. A. The Main Values of the Consolidation of Russian Society in the Views of Religious and Non-Religious Students. Research Result. *Sociology and Management*. 2023. Vol. 9, No. 2. Pp. 21–42. DOI [10.18413/2408-9338-2023-9-2-0-3](https://doi.org/10.18413/2408-9338-2023-9-2-0-3). (In Russ.).
26. Divisenko, K. S., Divisenko, O. V. Influence of Confessional Belonging and Enchurment on the Life Satisfaction of Believers. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*. 2017. Vol. 10, No. 1. Pp. 99–

114. DOI [10.21638/11701/spbu12.2017.107](https://doi.org/10.21638/11701/spbu12.2017.107). (In Russ.).
27. Yefremova, M. V., Lazutkina, M. A. Correlation between Religiosity and Work Ethic Indicators: Orthodoxy and Islam. *Vestnik KRAUNC. Humanities*. 2013. No. 1(21). Pp. 27–34. (In Russ.).
28. Prutskova, E. V. Association of Religiosity with Norms and Values. The Factor of Religious Socialization. *St. Tikhon's University Review . Series I: Theology. Philosophy. Religious Studies*. 2015. No. 3(59). Pp. 62–80. DOI [10.15382/sturI201559.62-80](https://doi.org/10.15382/sturI201559.62-80). (In Russ.).
29. Huber, S., Huber, O.W. The Centrality of Religiosity Scale (CRS). *Religions*. 2012. Vol. 3, No. 3. Pp. 710–724. DOI [10.3390/rel3030710](https://doi.org/10.3390/rel3030710).
30. *Religiovedeniye [Religious studies]* : Textbook for bachelors. I. N. Yablokov, A. V. Apollonov, F. M. Atsamba [et al.]. 1st ed. Moscow: Yurait Publ., 2012. 479 c. ISBN 978-5-9916-1627-0. (In Russ.).
31. Pismanik, M. G. Etyudy o sotsial'nykh perspektivakh otechestvennoy religioznosti [Studies on the social prospects of domestic religiosity]. In: *Religiya v kul'ture i v grazhdanskem yedinenii [Religion in culture and civil unity]* : Monograph. Perm : Perm State Institute of Culture Publ., 2019. Pp. 230–238. (In Russ.).
32. Uzlaner, D. A. Postsekulyarnyy poverot. *Kak myslit' o religii v XXI veke [Yhe post-secular turn. How to think about religion in the 21st century]*. Moscow: Gaidar Institute Publ., 2020. 410 p. ISBN 978-5-93255-581-1. (In Russ.).
33. Chesnokova, V. F. *Tesnym putem: Protsess votserkovleniya naseleniya Rossii v kontse XX veka [The narrow path: the process of churhing of the population of Russia at the end of the twentieth century]* : Monograph. Moscow : Academichesky Proekt Publ., 2005. 304 p. ISBN 5-8291-0359-1. (In Russ.).
34. Andrianov, N. P., Lopatkin, R. A., Pavlyuk, V. V. *Osobennosti sovremennoy religioznogo soznaniya [Features of modern religious consciousness]*. Moscow : Mysl Publ., 1966. 247 p. (In Russ.).
35. Kublitskaya, E. A. Methodological and Methodical Analysis of the Correlation of Religious and Confessional Self-Identification (On the Example of the Studied Subjects of the Russian Federation). *Research Result. Sociology and Management*. 2024. Vol. 10, No. 1. Pp. 11–27. DOI [10.18413/2408-9338-2024-10-1-0-2](https://doi.org/10.18413/2408-9338-2024-10-1-0-2). (In Russ.).
36. Kublitskaya, E. A. Migration and Socio-Political Orientations of Religious and Non-Religious Student Youth. *Science. Culture. Society*. 2023. Vol. 29, No. 3. Pp. 164–184. DOI [10.19181/nko.2023.29.3.10](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.3.10). (In Russ.).
37. Yablokov, I. N. *Metodologicheskiye problemy sotsiologii religii [Methodological problems of the sociology of religion]*. Moscow : Moscow University Publ., 1972. 133 p. (In Russ.).
38. Ugrinovich, D. M. *Vvedeniye v religiovedeniye [Introduction to religious studies]*. 2nd ed., suppl. Moscow : Mysl Publ., 1985. 270 p. (In Russ.).
39. Yablokov, I. N. *Sotsiologiya religii [Sociology of Religion]*. Moscow : Mysl Publ., 1979. 182 p. (In Russ.).
40. Kuznetsova, A. V., Kublitskaya, E. A. *Grazhdanskiy patriotizm – osnova formirovaniya novoy rossiyskoy identichnosti [Civic patriotism – the basis for the formation of a new Russian identity]* : Monograph. PRussian Academy of Sciences, Department of Social Sciences, Institute of Socio-Political Research. Moscow : ISPR RAS, 2005. ISBN 5-7556-0321-9. (In Russ.).
41. Bayramov, V. D., Bocharnikov, I. V., Duryagina A. I. [et al.]. *Patriotizm sovremennoy rossiyskoy molodezhi: kontseptual'nyye osnovaniya i tekhnologii vospitaniya [Patriotism of modern Russian youth: conceptual foundations and technologies of education]* : Collective monograph. Moscow: Alfa-M Publ., 2013. 144 c. (In Russ.).

Bio note

Elena A. Kublitskaya, Candidate of Philosophical Sciences, Leading Researcher, Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: ekubl@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0001-9685-2213](https://orcid.org/0000-0001-9685-2213); RSCI SPIN code: [2424-8940](https://www.rsci.ru/en/author/2424-8940); Scopus Author ID: [57196415190](https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=57196415190); Web of Science Researcher ID: [J-8935-2018](https://www.researcherid.com/rid/J-8935-2018).

Received on 02.08.2025; accepted for publication on 06.10.2025.

The author has read and approved the final manuscript.

ПРИЛОЖЕНИЕ / APPENDIX

Table 1

Позиции населения и студенческой молодежи Москвы по отношению к тезисам и ценностям религиозно-национального, социально-политического, социокультурного и патриотического характера в 2022 г., 2024 г. (% от числа опрошенных в группах «религиозные/ нерелигиозные» и «оседлые/ прожективные эмигранты»)

Table 1

Positions of Moscow's population and student youth in relation to theses and values of religious-national, socio-political, socio-cultural and patriotic nature in 2022, 2024 (% of respondents in the groups "religious"/ "non-religious" and "settled"/ "projective emigrants")

Утверждения и ценности	Москвичи							
	Все население, 2024 г.				Студенчество, 2022 г.			
	Религиозные	Нерелигиозные	Оседлые	Проективные эмигранты	Религиозные	Нерелигиозные	Оседлые	Проективные эмигранты
Религиозные и национальные утверждения								
1. «РПЦ частично берет на себя функции государственных структур власти»	55	61	52	76	60	73	65	79
2. «Некоторые действия РПЦ способствуют разжиганию межнациональной или межрелигиозной розни»	15	58	30	62	34	52	42	58
3. «В нашем государстве идет ущемление прав некоторых национальностей за счет расширения прав других национальностей»	46	50	52	52	42	58	49	58
Социально-экономические утверждения								
4. «Меня беспокоит неопределенность жизненных перспектив»	32	60	41	72	49	61	52	71
5. «Меня беспокоит расслоение общества на богатых и бедных»	28	52	28	33	25	37	35	36
6. «Меня беспокоит произвол и бюрократизм чиновников»	29	40	30	54	26	45	37	53
Социально-политические, социокультурные утверждения и ценности								
7. «Меня беспокоит проблема международной напряженности»	46	62	54	60	45	63	49	82
8. «Меня беспокоит военная спецоперация по демилитаризации и денацификации Украины»	47	68	62	74	47	60	44	74
9. «Я горжусь, что я гражданин России»	-	-	-	-	72	45	62	26
10. «Россия обречена на дальнейший распад»	2	3	0	28	15	26	17	41
11. «Со временем вокруг России начнется процесс объединения народов»	61	33	62	7	44	21	44	13
12. «Меня не устраивает политическая система нашего общества, ее необходимо радикально изменить»	15	43	5	61	-	-	-	-
13. «Патриотизм (любовь к Родине, Отечеству, благополучие страны и своего народа) – очень важная ценность в жизнедеятельности общества»	67	23	49	30	40	24	32	13
14. «Национальная безопасность государства (защита Отечества, граждан России) – очень важная ценность в жизнедеятельности общества»	68	42	63	39	-	-	-	-

Продолжение таблицы 1

Утверждения и ценности		Москвичи							
		Все население, 2024 г.			Студенчество, 2022 г.				
		Религиозные	Нерелигиозные	Оседлые	Проективные эмигранты	Религиозные	Нерелигиозные	Оседлые	
15.	«Счастье и благополучие других (близких, друзей, народа, человечества в целом) – очень важная ценность в жизнедеятельности общества»	67	61	71	54	76	69	68	61
16.	«Семья и воспитание детей (счастливая семейная жизнь) – очень важная ценность в жизнедеятельности общества»	82	63	71	56	83	63	69	53
17.	«Удовольствия (жизнь полная развлечений, эмоций, приятного времяпроживания, насыщенность жизни) – очень важная ценность в жизнедеятельности общества»	26	25	18	37	43	47	40	61
18.	«Свобода (независимость в поступках и действиях) – очень важная ценность в жизнедеятельности общества»	47	51	53	80	60	70	68	84
19.	«Активная и деятельная жизнь (максимально полное использование своих сил и способностей) – очень важная ценность в жизнедеятельности общества»	44	55	26	52	62	61	56	66
20.	«Творчество (возможность творческой деятельности) – очень важная ценность в жизнедеятельности общества»	38	43	30	48	42	55	48	56

Источник: составлено по данным авторских социологических исследований